

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-1.12>

Тростина Марина Александровна

АРХЕТИП КОРОВЫ-КОРМИЛИЦЫ В ФОЛЬКЛОРЕ РУССКИХ И МОРДВЫ

В статье анализируется образ коровы в фольклоре русских и мордвы, проживающих на одной территории. Впервые в сравнительно-сопоставительном аспекте рассматривается архетип коровы-кормилицы, определяются его важнейшие составляющие, выявляются ключевые черты сходства и различия в трактовке образа и архетипических представлениях у русских, мордвы-мокша и мордвы-эрзя. Исследование проведено на анализе разнообразного аутентичного материала: текстов, фиксирующих обряды "Мичке", "Тракс моронь първажама", купли-продажи коровы у русских и мордвы, ритуал первого выгула, родильный ритуал; народных сказок "Крошечка-хаврошечка", "Черная корова"; пословиц, загадок, примет и т.д.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/12-1/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(90). Ч. 1. С. 62-65. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

MECHANISMS OF MOSCOW METRO MEDIA SPACE FORMATION IN THE GENERAL VECTOR OF PUBLIC COMMUNICATIONS DIGITALIZATION

Rubas Anton Vasil'evich

Academy of Media Industry, Moscow
anton.rubas@gmail.com

The article considers the modern trend of public communications digitalization by the example of the metro media space. On the basis of the comparative analysis of the printed publications "Moskva Vechernyaya (Evening Moscow)" and "Metro" the paper draws a conclusion about strengthening the influence mechanisms of the mass media content on Moscow metro media space formation. Attention is focused on the need to integrate the printed and electronic mass media. The author gives a brief analysis of the role of the social networks of the underground transport network and the mobile application "Moscow Metro" in forming information and communicative relations with passengers.

Key words and phrases: print and online media; information and communication technologies; digitalization; content; digital technologies; Moscow metro.

УДК 82; 398.1; 398(=161.1+511.152)

Дата поступления рукописи: 25.09.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-1.12>

В статье анализируется образ коровы в фольклоре русских и мордвы, проживающих на одной территории. Впервые в сравнительно-сопоставительном аспекте рассматривается архетип коровы-кормилицы, определяются его важнейшие составляющие, выявляются ключевые черты сходства и различия в трактовке образа и архетипических представлениях у русских, мордвы-мокша и мордвы-эрзя. Исследование проведено на анализе разнообразного аутентичного материала: текстов, фиксирующих обряды «Мичке», «Тракс моронь първажама», купли-продажи коровы у русских и мордвы, ритуал первого выгула, родильный ритуал, народных сказок «Крошечка-хаврошечка», «Черная корова»; пословиц, загадок, примет и т.д.

Ключевые слова и фразы: архетип; корова; фольклор; обряд; символ; образ; русские; мордва.

Тростина Марина Александровна, к. филол. н., доцент

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск
trostina@mail.ru

АРХЕТИП КОРОВЫ-КОРМИЛИЦЫ В ФОЛЬКЛОРЕ РУССКИХ И МОРДВЫ

В современном фольклоре мордвы и русских, проживающих на территории Республики Мордовия, продолжают свое бытование обряды, связанные с обиходом коровы, традиционно выступающей в народном сознании кормилицей крестьянской семьи. Несмотря на то, что численность поголовья крупнорогатого скота в селах в последние два-три десятилетия значительно сократилась ввиду миграции населения в город, «старения» жителей, отсутствия необходимой для заготовки кормов техники и т.д., анализ собранного материала позволяет утверждать, что корова продолжает занимать в хозяйстве современного крестьянина главенствующее место. Наличие коровы является показателем крепости рода, материального благополучия дома. К корове относятся практически как к члену семьи, уважительно и бережно. С коровой связывается множество народных поверий, обрядов, примет, основанных на мифологических представлениях о ней как о тотемном животном, знаменующем собой символ плодородия и достатка.

Образы животных, их символика и связанные с ними религиозно-мифологические сюжеты неоднократно становились предметом внимания мордовских фольклористов. Так, Г. А. Корнишина в монографии «Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, форма бытования» рассматривает ритуалы, связанные с животноводством и пчеловодством. Большое внимание в этой связи исследователь уделяет молениям мордовского народа «кардаз озкс», «алашань озкс», «траксонь озкс», «сараз озкс», «бука озкс», результатом которых, по представлениям мордвы, должно выступать укрепление здоровья и рост плодovitости домашних животных [2]. Н. Ф. Мокшин, описывая обряды «лишмень озкс» и «алашань озкс», справедливо утверждает, что «если иметь в виду, что для мордвы, как народа-земледельца, лошадь была и остается незаменимой опорой в хозяйстве, залогом и источником благополучия, то будут понятны причины проведения алашань озкса» [3, с. 198]. Сюжеты волшебных сказок о животных, в т.ч. и о корове, сравнивает М. Н. Салаева, указывая на «наличие сходных сюжетных деталей, постоянных формул, совпадения внешних признаков» [19, с. 5]. Более пятидесяти загадок о домашних животных опубликовал К. Т. Самородов в работе «Мордовские загадки» [5]. Собранные им тексты позволяют составить представление о месте и роли животных в крестьянском быту мордвы. Описание мокшанских обрядов, связанных с почитанием коровы, представлено в работе К. И. Сайгутиной и М. А. Тростиной [18].

Между тем данное направление в мордовской фольклористике нельзя считать основательно исследованным. Требуется дальнейшего рассмотрения ряд вопросов, связанных с эволюцией животного эпоса, спецификой отражения в обрядовом фольклоре национального характера и менталитета мордовского народа и др. Т. А. Козлова справедливо указывает, что «мордовский фольклор является тем фундаментом, на основе которого можно восстановить особенности быта и культуры народа, в том числе и его материальной сферы» [1, с. 218]. Кроме того, вне исследовательского внимания остается сравнительно-сопоставительный аспект, предполагающий

изучение архетипов животных в фольклоре русских и мордвы, что позволит выявить черты сходства и различия в трактовке образов и архетипических представлениях и расширит научное представление о фольклорном и общекультурном взаимодействии двух народов, много веков проживающих на общей территории.

Объектом нашего исследования является образ коровы, широко представленный в обрядах, паремиях, эпических произведениях русских и мордвы. Материал исследования составили тексты, собранные в архиве лаборатории фольклора Мордовского госуниверситета.

«*Андыняй*» (в пер. с морд.-мокша *кормилица*) или «*андыцял*», «*трицял*» (в пер. с морд.-эрзя *кормилица*), «*кормилицям*» – так ласково величают ее в народе. Действительно, корова и кормит, и поит, и защищает. «*Кинь кудса тракс, сьянь ризфоц аш*» [16]. / «*В той семье нет горя, у кого корова*» (здесь и далее перевод автора статьи. – М. Т.).

Корова для крестьянской семьи не просто животное, она – полноправный член семьи. И у русских, и у мордвы корову никогда не резали и не режут ради мяса. И если корову по каким-либо причинам нужно сменить, то ее либо продают, либо меняют на другую. Потеря коровы, ее болезнь и смерть воспринимаются как вмешательство злых сил, результат гнева богов, порча, наведенная злыми людьми. Именно поэтому хозяева стараются тщательно и точно соблюдать все «коровьи» обряды, знание которых они унаследовали от своих родителей, родственников, соседей или получили от ее прежних владельцев.

Цикл таких обрядов у мордвы открывает «*Траксонь рамама*» – обряд купли-продажи коровы, начинающийся с выбора животного. Чтобы определить с первого взгляда, сколько и какое молоко будет давать корова, покупатель по сложившейся традиции обращают внимание на количество нижних резцов. «*Если 9 зубов, то хороша корова, если 7 зубов – средняя корова*» [9]. Во-вторых, – на отверстие в животе коровы: если узкое, то молоко не будет жирным, следовательно, из него не спажается масло. «*Кьда неконь варянясь кели – цебярь лофцсь, кьда ёмла – аф ваи лофцсь*» [10]. / «*Если дырка в животе широкая – хорошее молоко, если маленькая – нежирное молоко*».

Так же ответственно подходят к приобретению коровы русские, указывая в качестве определяющего фактора помимо молочности еще и подходящий характер животного, уподобляемого человеку: «*Хорошую корову, как хорошую жену, поискать надо! Внизу живота у коровы есть молочные колодцы. Если они глубокие, то корова молочная. А еще корова должна понравиться и внешне: красивая, шустрая, добрая или с характером – кому какая по душе...*» [12].

Корову в мордовских селах ведут в новый дом, привязав за шею поясом от национального платья хозяйки, который затем вешают на гвоздь во дворе, где будет обитать кормилица. У русских предмет, на котором новую жилищу ведут к своему дому, также имеет ритуально-магическое значение. Однако чаще указывается веревка из старого дома, что объясняется полным разрывом с ним: «*При покупке коровы берут ещё горшок ее молока, а ведут на хозяйской веревочке (я покупала, мне еще скамеечку для дойки дали), чтобы все ее добро в новый дом попало*» [15].

Важным этапом является проведение животного через ворота, выступающие символом полного и окончательного перехода в новый двор. Для того чтобы корова почувствовала единение с хозяйкой, мордва-мокша проводят ее через ворота, подстелив под ними пояс женщины (морд.-мокш. *каркс*), пройдя через который, кормилица начнет осознавать себя, в свою очередь, хозяйкой двора. Те же действия совершались и при первом выгоне животного в стадо: «*Кьда тракссь одоль и васенда лиси стадав, лисемста адсест ортати бабань каркс, ётафнезь вельхкскаванза. Ся тиендель сяс, штоба тракссь кудазоровать мархта карксав фкя каркс и ашезь юма*» [10]. / «*Если корова была молода и первый раз выходила на стадо, при выходе под ворота постилали женский пояс, через него проводили корову. Это делалось для того, чтобы корова была связана с хозяйкой и не потерялась*».

У русского населения Мордовии имеется вариант, отличающийся важной деталью: «*В новом доме, в хлеву, где будет жить корова, на пороге кладут ремень (из мужских штанов можно), корова должна через него перешагнуть. Наверное, это для того, чтобы знала, кто в доме хозяин*» [12]. Подобное различие в трактовке понятия «*хозяин дома*» можно объяснить сохраняющимся у мордвы культом женщины-хранительницы домашнего очага, восходящим к эпохе матриархата и проявляющимся кроме того в преобладании женских божеств в демонологическом пантеоне.

Иногда бывает, что животное не сразу приживается в новом доме и после выпаса отправляется в старый двор. Есть ритуалы и для этого случая. Их проводят и для молодых телят, в первый раз выгоняемых в стадо. И у русских, и у мордвы коров в первый выгул (после покупки или зимы) выгоняют, используя веточку вербы, запасенную на вербное воскресенье, лучше освященную в церкви. «*С вербочкой и соленым ломтем хлеба в первый раз провожали в стадо, встречать тоже – ломоть хлеба с солью, чтоб домой ходила. <...> Чтобы корова ходила домой, ей отрезали прядь или часть хвоста и прятали за косяк двери на дворе*» [15].

Еще два-три десятилетия назад перед тем как отвести животных в первый весенний выгул, мордва совершала обряд «*Тракс моронь първажама*» (в пер. с морд.-мокша *Проводы коровьих болезней*). Старики и старухи готовили блины в виде копыта и отправлялись с детьми за село на общее моление, обращенное к природным божествам. Важно было провести его на закате, так как, по поверьям, вместе с солнцем уходили и болезни коров.

«*Ломаттне кочксевсть ши валгома шовор пере фталу или велеть пес, ну сьда велеть эзда фталуна, мархтост сьвондсть суронь перьяканят-кенженят и кядьгоняса лофца. Тоса ниле пильголангса сюконякинесть модати, кървьяснесть штатолхт и озонкинесть: “Ши валгом, шиняй, / Илядень палы заряней, / Пълхтайть кудонь жуватань урматнень”. // Од заря мархта лихнелхть траксненъ стадав*» [17]. / «*Люди собирались на закате за огородами или за селом, ну подальше от села, с собой брали пышные пирожки-ноготки в форме копыта и молоко. Там на четвереньках совершали земные поклоны, зажигали свечи и молились: “Закат, солнышко, вечерняя заря, сожги болезни домашних животных”. С новой зарей выгоняли в стадо коров*».

Строго соблюдался и родильный ритуал, присутствовать на котором разрешалось только хозяевам. Как женщина, корова во время отела становилась уязвимой для злых сил, сглаза, поэтому данное событие старались скрывать от окружающих и сообщали только после того, как все разрешалось. *«Чтоб было все хорошо с коровой, дома у каждого ребенка отрезали по прядке волос, клали в баночку с ладаном и окуривали двор, и, конечно, святая вода»* [15].

Особое внимание уделялось последу, за отходом которого следили особенно тщательно. Ни в коем случае не допускалось, чтобы корова его съела: тогда молоко считалось испорченным до следующего теленка. Послед изымали и закапывали в саду. *«После отёла, когда отделиться, корову надо вымыть и подымить Богородской травой. Перед отёлом отрезать ломоть чёрного хлеба, посолить и дать корове. Лучше отелится»* [12].

Новое молоко давало повод для проведения в крестьянском доме семейного праздника – «Мичке», знаменующего собой пополнение во дворе. Проводился он в первую неделю после отела коровы. Жирное коровье молоко томили в печке до коричневого оттенка. Это молоко и называется «мичке». Обряд, включающий в себя моление, адресованное корове, проводился не только для совместного гулянья, но прежде всего для обеспечения родильнице здоровья, молочности и последующих благополучных отелов.

«Неделяда меле, кода траксь вазьясь, тернелхть инжит: кумаснон, кудаваднон, ёмла шабатнень и стак тов. Озайхть инжихне фкя оцю вастс. Мичкть кайселезь псиса и самай сиресь кудса корхнель валхт жуватати: “Траксяняй-жуватаняй, / Лама лофцонь кандыняй, / Тюжся вайда андыняй, / Эрь кизоня вазьяй, / Мичконяда ярхцатама, / Пара валнят азонттама”. / Тянь меле озонкинешть Шкабавазти-Кормильцти: / “Шкайнай-Кормилицкяй, / Ванфтыть кудонь жувататнень, / Раиштас-касост эрь кизоня, / Тейнек максост тазашиня”. // Ну и меле озсесь, ярхцасть. Ярхцамда меле морсесть морхт. А мзярда инжихне тушендось, тест макссельхть шуфтонь куцофт» [10]. / *«Через неделю, как отелилась корова, звали гостей: куму, свах, маленьких детей и так далее. Садятся гости в одно большое место. Мичке наливали горячим, и самый старый человек в доме говорил слова, обращенные корове: “Коровушка-животное, / Много молока приносящая, / Желтым маслом кормящая, / Каждый год отеляющаяся, / Мичке мы попробуем, / Хорошие слова скажем”. // После этого молились Богу-Кормильцу: / “Бог-Кормилец, / Сбереги домашних животных, / Чтобы плодились-росли каждый год, / Нам давая здоровье”. // Ну и потом садились, кушали. После еды пели песни. А когда гости уходили, им давали деревянные ложки»*.

Архетипические черты коровы как хозяйки двора и кормилицы крестьянской семьи сохраняются и в других фольклорных жанрах. Так, в народных сказках корова неизменно выступает как тотемное животное, связанное с миром предков и оказывающее помощь нуждающимся в ней. Крошечка-хаврошечка в одноименной сказке благодаря своей корове сыта и ухожена. Корова выполняет здесь функцию матери (предка): девочка-сирота находится под защитой животного. Информанты, пересказывая сказку, делали акцент на ласковом обращении Хаврошечки к своей кормилице: *«“Матушка-коровушка, дай мне молочка!” – просит Крошечка-Хаврошечка. “Полезай мне в ушко, я тебя накормлю”»* [7]. Таким образом, корова приглашает девочку пройти своеобразную инициацию – переместиться в мир материнского тепла и заботы.

Нечто подобное происходит и в сказке «Черная корова», известной у мокшан и эрзян. Главные герои – мальчик и девочка – сироты, страдающие от жестокого обращения мачехи. Однако у них есть спаситель – корова, к которой они часто навдываются в хлев. Беды детей наступают именно потому, что они пренебрегают ее заветом, сорвав в черном лесу костяную пуговицу. Нарушение материнского запрета (корова выступает в этой сказке своеобразным проводником между миром предков, а следовательно, умершей матери, и детьми-сиротами, нуждающимися в опеке и защите) становится причиной их дальнейших испытаний и разлада между собой, за которым последовал разрыв отношений: *«Ничего не сказал парень сестре. Кликнул своих зверей и ушел с ними в дальние края. С сестрой даже не попрощался»* [6, с. 52].

Символическое значение имеет образ коровы, приснившейся во сне. Воспринимаемая в народе как кормилица и источник материальных благ, основа крестьянского хозяйства, корова снится к добру, если она ведет себя спокойно, как ей подобает. Если же ее поведение нестандартно, то следует ждать каких-то неблагоприятных событий. В таких снах корова выступает посредником между человеком и информацией, поступающей из мира предков. Приведем ряд примеров от информантов, проживающих в различных селах на территории Республики Мордовия, со всей очевидностью иллюстрирующих наше утверждение.

«Если во сне корова мычит, то получишь плохую весть» [12].

«Если корова во сне мелится – исполнится самое заветное твое желание» [7].

«Во сне корову доить – радость будет» [Там же].

Символичен и цвет приснившегося животного: *«Рыжая к богатству, к деньгам, черная – к потере, пестрая – к неустройству в жизни»* [12].

Имеет значение и внешний вид приснившейся коровы: *«Видишь жирную, большую корову – к богатству и достатку, А если худую, со впалыми боками – к бедности или потеряешь чего-нибудь»* [Там же].

Существует также множество примет, связанных с коровами.

«Если корова отелится двойней – где-то будет пожар» [7].

«Корова ночью мычит – к беде» [15].

«Если утром черная корова впереди стада пойдет, день будет пасмурный, если светлая – ясный» [12].

«Равжса траксь лофцу» [13]. / *«Черная корова молочная»*.

Архетипические черты образа коровы как разумного животного, хозяйки двора и кормилицы восстанавливаются в пословицах и загадках обоих народов: *«Андсамань, симтьсамань – мархтон аф корхтай»* [Там же]. / *«Напоит, накормит, со мной не говорит»*; *«Пирьфть кунчкаса копна, инголенза сонь цянгт, фталонза сонь тальме»* [Там же]. / *«Посередине двора копна, спереди её вилы, позади её метла»*.

«Монь ули поварозе, / Ухватоц конясонза каннесы». / «У меня есть повар, Ухват свой носит на голове»; «Монь ули пирьфса колодазе, / Инголенза цянга, / Фталонза тьялме, / Потмосонза лофца» [14]. / «У меня есть колода, / Впереди её вилы, / Позади её метла, / Внутри её молоко».

«Скал будти ули кардазсо – ярсамопель ули кудосо» [8]. / «Корова на дворе – так и еда на столе».

«Траксь шабатненди – омбоце тядясь» [13]. / «Корова для детей – вторая мать».

А вот в поговорках в силу их жанровой специфики отсылка идет, напротив, к условно негативным проявлениям коровьей природы: неуклюжести, неповоротливости, размеренности: «Слизала, как корова языком», «Теке скал кельсэ нолчтызе» [11]. / «Как корова языком лизнула»; «Теке скал эй лангсо – ниле пильге лангсо» [Там же]. / «Как корова на льду на четырех ногах».

Молочным продуктам издавна приписываются и лечебные свойства. Так, горячим коровьим молоком, в которое добавляют масло, мед и соду, лечат ангину, бронхиты, ларингиты и трахеиты, холодным – отравление. Творог и кисломолочные продукты рекомендуют людям с болезнями пищеварительной системы.

Анализ собранного материала позволяет сделать вывод о том, что в современном фольклоре населения Мордовии (в обрядах, паремиях, эпических произведениях разных жанров) сохраняются архетипические представления о корове как прочной основе крестьянского хозяйства, кормилице и хозяйке двора, выступающей символом благополучия и достатка крестьянской семьи, прочности и разумности крестьянского уклада в целом.

Список источников

1. Козлова Т. А. Материальные компоненты традиционной культуры в мордовском фольклоре (историко-этнографическое исследование). Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсевьева, 2013. 129 с.
2. Корнишина Г. А. Традиционные обычаи и обряды Мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсевьева, 2000. 150 с.
3. Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1998. 248 с.
4. Мокшина Е. Н. Животные в религиозно-мифологических представлениях мордовского народа // Социально-политические науки. 2016. № 2. С. 14-17.
5. Мордовские загадки / сост. К. Т. Самородов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1987. 288 с.
6. Мордовские народные сказки / собр. и обраб. К. Т. Самородов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1985. 400 с.
7. Полевой материал автора. Информант Антонова М. И., 1945 г.р. Республика Мордовия, Старошайговский район, с. Новая Федоровка. Записано в июле 2002 г.
8. Полевой материал автора. Информант Астайкина И. Н., 1994 г.р. Республика Мордовия, Большеберезниковский район, с. Симкино. Записано в декабре 2017 г.
9. Полевой материал автора. Информант Базаркина З. Н., 1953 г.р. Республика Мордовия, Краснослободский район, с. Мордовские Парки. Записано в октябре 2017 г.
10. Полевой материал автора. Информант Байкова М. И., 1928 г.р. Республика Мордовия, Краснослободский район, с. Мордовские Парки. Записано в октябре 2017 г.
11. Полевой материал автора. Информант Буякина А. И., 1950 г.р. Республика Мордовия, Большеберезниковский район, с. Гузынцы. Записано в августе 2018 г.
12. Полевой материал автора. Информант Глухова Г. Г., 1966 г.р. Республика Мордовия, Чамзинский район, с. Кочкуши. Записано в октябре 2017 г.
13. Полевой материал автора. Информант Голованова И. В., 1998 г.р. Республика Мордовия, г. Краснослободск. Записано в ноябре 2017 г.
14. Полевой материал автора. Информант Дивеев А. В., 1996 г.р. Республика Мордовия, Рузаевский район, с. Левжа. Записано в ноябре 2017 г.
15. Полевой материал автора. Информант Коткова О. П., 1968 г.р. Республика Мордовия, Чамзинский район, с. Наченалы. Записано в декабре 2017 г.
16. Полевой материал автора. Информант Окулова Л. И., 1954 г.р. Республика Мордовия, Краснослободский район, с. Мордовские Парки. Записано в октябре 2017 г.
17. Полевой материал автора. Информант Сайгутина В. И., 1965 г.р. Республика Мордовия, Краснослободский район, с. Мордовские Парки. Записано в октябре 2017 г.
18. Сайгутина К. И., Тростина М. А. Домашний скот в обрядах мордвы-мокши (на фольклорном материале, собранном в селе Мордовские Парки Краснослободского района Республики Мордовия) // XLVI Огарёвские чтения: материалы научной конференции: в 3-х ч. / сост. А. В. Столяров. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2018. Ч. 3. Гуманитарные науки. С. 29-33.
19. Салаева М. Н. Русско-мордовские связи в волшебной сказке: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1992. 23 с.

COW-NURSE ARCHETYPE IN THE RUSSIANS' AND THE MORDOVIANS' FOLKLORE

Trostina Marina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ogarev Mordovia State University, Saransk
trostina@mail.ru

The article analyses the image of a cow in the folklore of the Russians and the Mordovians living in the same territory. For the first time the author considers the archetype of a cow-nurse in the comparative aspect, identifies its most important components, reveals the key similarities and differences in the interpretation of the image and the archetypal beliefs of the Russians, Moksha and Erzya Mordovians. The study is conducted basing on the analysis of various authentic materials: texts, retaining the rites of “Мичке”, “Тракс моронь първажама”, buying and selling cows of the Russians and the Mordovians, the ritual of the first pasture, birthing ritual; folk tales “Kroshechka-Khavroshechka”, “Black Cow”; proverbs, riddles, signs, etc.

Key words and phrases: archetype; cow; folklore; rite; symbol; image; the Russians; the Mordovians.